

А. В. Рабокоровка

Методологические возможности категории "внутренняя форма" в описании национального образа мира

В статье рассмотрена история выявления и внедрения в методологию различных научных исследований, в том числе лингвистических, категории "внутренняя форма". Приведены примеры использования этой категории для изучения языковой картины мира носителей русского языка.

Ключевые слова: общее языкознание, философия языка, Гумбольдт, Потебня, категория внутренней формы, языковая картина мира носителей русского языка.

На сегодняшний день одной из наиболее важных задач философии является философско-методологический анализ категорий научного познания. Особые успехи в этой области связаны с анализом понятийно-концептуального аппарата естественных наук. В меньшей степени это характерно для области гуманитарного познания. Сегодня все более ощущается необходимость разработки именно гуманитаристики, в частности, установление специфики гуманитарного познания. В этой связи предметом внимания философской методологии стали понятия, применимые в гуманитарном познании, среди которых, в первую очередь, можно выделить понятие традиции (культурной традиции), понятие текста, понятие знака, понятие структуры. К этим понятиям, с нашей точки зрения, необходимо отнести и понятие внутренней формы, которое прежде всего было использовано и получило наполнение в языкознании и смежных с ним гуманитарных дисциплинах.

В этой связи следует отметить работы последних лет, авторы которых обращаются к этому понятию [10;14]. В истории данного вопроса наиболее важные результаты в рассмотрении этой проблематики представлены в классической работе Г. Г. Шпета "Внутренняя форма слова" [12].

Наиболее характерным в традиционном понимании проблемы является применение понятия "внутренняя форма" к языку в целом, и слово, в частности. Задача, которую ставит перед собой автор, состоит в том, чтобы расширить методологические возможности категории внутренней форма, показать ее возможную применимость к логической проблематике, к истории познания, к анализу произведений искусства, к анализу этнической картины мира.

Целью данной работы является прослеживание основных этапов формирования и использования понятия внутренней форма, установление вклада в рассмотрение данной проблематики таких ученых, как Гумбольдт, Потебня, Шпет, определение связи данной категории с другими соотносимыми и дополняющими ее категориями (внешняя форма, структура, система перспективного изображения). Задачей статьи также можно считать применение этой категории для рассмотрения ряда важных проблем этносоциологии, теории искусства и эстетики, логики и гносеологии.

Впервые термин "внутренняя форма" возникает у Вильгельма фон Гумбольдта в связи с анализом поэтического произведения Гёте "Герман и Доротея". Взяв за исходный пункт своих рассуждений об искусстве кантовскую идею о продуктивной способности воображения как силе, формирующей духовный мир человека, Гумбольдт отмечает, что искусство, отображая "внешние формы" мира, создает "внутренние формы для человека" [7:193], тем самым с первых шагов задавая антропологическую направленность данного понятия. Истинный художник, по Гумбольдту, не может ограничиться налаганием на действительность "иконических знаков", ему мало простого фотографического отображения окружающего его мира, но он всеми силами стремится творчески воссоздать этот мир, образуя свой — внутренний — его образ, в котором грубый физический материал преодолен до мельчайших деталей. "Яснее всего, — уточняет свою мысль В. Гумбольдт, — это заметно в произведениях скульптуры. Когда ваятель работает с мрамором, то небольшое место, над которым трудится его резец, поглощает все его внимание. Проходят недели, месяцы, года, а он по-прежнему пребывает в своих тесных рамках — перед ним вечно стоит образ, который стремится он представить, и тут он находит для себя целый мир, какому

известно, женщины же используют вводные слова, выражающие их собственное мнение, они часто дают эмоциональную оценку происходящему: *возможно, несомненно, к сожалению, безусловно*.

Выводы. Языковое поведение мужчин и женщин в газетном дискурсе имеет свои отличия на всех субуровнях вербально-семантического уровня языковой личности. Гендерная дифференциация обуславливает выбор и дальнейшее использование языковой личностью тех или иных стилевых особенностей, лексических средств и грамматических конструкций. Так как все уровни языковой личности взаимосвязаны, то гендерные различия оказывают влияние на её формирование в целом, включая когнитивный и мотивационный уровни.

1. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания. — Одесса, 1997.
2. Виноградов В. В. Современный русский язык. — М., 1936.
3. Геодакян В. А. Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. — М., 1989.
4. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации. — М., 1999.
5. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М., 1993.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
7. Кирилина А. В. Гендерные стереотипы в языке // Словарь гендерных терминов. — М., 2002.
8. Кохтев Н. Н. Стилистическое использование фразеологических средств в языке газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. — М., 1980.
9. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй пол. 20 века. Опыт парадигмального анализа // Язык и наука конца 20 века. — М., 1995.
10. Ощепкова Е. С. Психологические особенности мужчин и женщин, проявляющиеся в письменной речи // Гендер: язык, культура, коммуникация. — М., 1999.
11. Пиз А., Пиз Б. Язык взаимоотношений. Мужчина и женщина. — М., 2000.
12. Пронин Е. И. Журналистский текст как система выразительных средств // Методы журналистского творчества. — М., 1982.
13. Шаповалова О. Н. Гендерный аспект управления коммуникативным поведением собеседника // Гендер: язык, культура, коммуникация. — М., 1999.

О. Ю. Побережна

ОСОБЛИВОСТІ МОВНОЇ ПОВЕДІНКИ ЧОЛОВІЧОЇ ТА ЖІНОЧОЇ МОВНИХ ОСОБИСТОСТЕЙ В ГАЗЕТНОМУ ДИСКУРСІ

У статті розглядаються фактори, які впливають на особливості чоловічої та жіночої мовної особистості; звертається увага на відмінності у чоловічій та жіночій мовній поведінці в газетному дискурсі на фонетичному, лексичному, граматичному, словотвірному рівнях.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, російська мова, гендер, мовна особистість.

O. Yu. Poberezhnaya

PECULIARITIES OF LINGUISTICS BEHAVIOR OF THE MEN'S AND WOMEN'S LANGUAGE PERSONALITIES IN NEWSPAPER DISCOURSE

This article concerns the factors influence on the peculiarities of man's and woman's language personalities. It is dedicated to the differences of men's and women's linguistic behavior in newspaper discourse on phonetic, lexical, grammatical, word-formative levels.

Keywords: Russian, linguistics behavior, gender, language personality.

А. В. Рабокоровка

Методологические возможности категории "внутренняя форма" в описании национального образа мира

В статье рассмотрена история выявления и внедрения в методологию различных научных исследований, в том числе лингвистических, категории "внутренняя форма". Приведены примеры использования этой категории для изучения языковой картины мира носителей русского языка.

Ключевые слова: общее языкознание, философия языка, Гумбольдт, Потебня, категория внутренней формы, языковая картина мира носителей русского языка.

На сегодняшний день одной из наиболее важных задач философии является философско-методологический анализ категорий научного познания. Особые успехи в этой области связаны с анализом понятийно-концептуального аппарата естественных наук. В меньшей степени это характерно для области гуманитарного познания. Сегодня все более ощущается необходимость разработки именно гуманитаристики, в частности, установление специфики гуманитарного познания. В этой связи предметом внимания философской методологии стали понятия, применимые в гуманитарном познании, среди которых, в первую очередь, можно выделить понятие традиции (культурной традиции), понятие текста, понятие знака, понятие структуры. К этим понятиям, с нашей точки зрения, необходимо отнести и понятие внутренней формы, которое прежде всего было использовано и получило наполнение в языкознании и смежных с ним гуманитарных дисциплинах.

В этой связи следует отметить работы последних лет, авторы которых обращаются к этому понятию [10;14]. В истории данного вопроса наиболее важные результаты в рассмотрении этой проблематики представлены в классической работе Г. Г. Шпета "Внутренняя форма слова" [12].

Наиболее характерным в традиционном понимании проблемы является применение понятия "внутренняя форма" к языку в целом, и слово, в частности. Задача, которую ставит перед собой автор, состоит в том, чтобы расширить методологические возможности категории внутренней форма, показать ее возможную применимость к логической проблематике, к истории познания, к анализу произведений искусства, к анализу этнической картины мира.

Целью данной работы является прослеживание основных этапов формирования и использования понятия внутренней форма, установление вклада в рассмотрение данной проблематики таких ученых, как Гумбольдт, Потебня, Шпет, определение связи данной категории с другими соотносимыми и дополняющими ее категориями (внешняя форма, структура, система перспективного изображения). Задачей статьи также можно считать применение этой категории для рассмотрения ряда важных проблем этносоциологии, теории искусства и эстетики, логики и гносеологии.

Впервые термин "внутренняя форма" возникает у Вильгельма фон Гумбольдта в связи с анализом поэтического произведения Гете "Герман и Доротея". Взяв за исходный пункт своих рассуждений об искусстве кантовскую идею о продуктивной способности воображения как силе, формирующей духовный мир человека, Гумбольдт отмечает, что искусство, отображая "внешние формы" мира, создает "внутренние формы для человека" [7:193], тем самым с первых шагов задавая антропологическую направленность данного понятия. Истинный художник, по Гумбольдту, не может ограничиться наложением на действительность "иконических знаков", ему мало простого фотографического отображения окружающего его мира, но он всеми силами стремится творчески воссоздать этот мир, образуя свой — внутренний — его образ, в котором грубый физический материал преодолен до мельчайших деталей. "Яснее всего, — уточняет свою мысль В. Гумбольдт, — это заметно в произведениях скульптуры. Когда ваятель работает с мрамором, то небольшое место, над которым трудится его резец, поглощает все его внимание. Проходят недели, месяцы, года, а он по-прежнему пребывает в своих тесных рамках — перед ним вечно стоит образ, который стремится он представить, и тут он находит для себя целый мир, какому

лишь с трудом удовлетворяют его силы, он не успокаивается до тех пор, пока полностью и в совершенстве не отвоюет мысль своего воображения у грубого камня" [7:195]. Этот образ, представляющий собой некую разновидность платоновской "идеи", и есть то, что можно назвать внутренней формой произведения. Разумеется, образы различных художников существенно отличаются друг от друга и, всматриваясь в их творения, мы как бы смотрим на мир глазами этих художников, осваиваем их "мировидение", переходя от одного образа к другому. Вполне естественно, что этот образ не есть нечто изолированное и отдельное, существующее в разорванности связей с миром. Рядом с ним всегда присутствует "иная, более высокая истина", и "величайшее преимущество художественного произведения состоит в том, чтобы сделать очевидной внутреннюю истину форм, затемненную в реальном явлении" [5:296]. Проясняя гносеологический статус понятия "внутренняя форма", Гумбольдт словно говорит нам, что искусство, "сметая с действительности поверхностное явление" [5:298], преодолевая эту действительность, высвечивает реальность как бы изнутри и, тем самым, расчищает дорогу истине и красоте.

В дальнейшем Гумбольдт значительно переработал понятие внутренней формы, перенеся его из области эстетики в область языка. Более расширительное толкование внутренней формы открыло перед исследователем новые возможности. Если раньше внутренняя форма рассматривалась лишь в связи с произведениями искусства, то теперь она становится достоянием различных когнитивных процессов, протекающих в рамках языковой организации. Основополагающий для концепции Гумбольдта принцип о языке как деятельности ("язык есть не продукт деятельности, а деятельность" [6:70]) наложил свой отпечаток и на понимание внутренней формы. Деятельность, в данном случае языковая, всегда протекает определенным образом, то есть в определенной форме, и поэтому "в действительности она представляет собой сугубо индивидуальный порыв, посредством которого тот или иной народ воплощает в языке свои мысли и чувства" [6:71]. Фактически именно внутренняя форма обуславливает то, что деятельность языка протекает так, а не иначе, использует такие средства, а не иные. Внутренняя форма выступает как своего рода механизм, направляющий мысль по определенному руслу. В каждом языке, по мнению Гумбольдта, существует "возможность отыскать единую форму, из которой вытекает своеобразие его строя" [6:160]. Не случайно при этом исследователь прибегает к метафорическому сопоставлению: конкретные "языки можно сравнить с человеческими физиономиями: сравнивая их между собой, живо чувствуешь, что индивидуальность неоспоримо присутствует, подобия очевидны, но никакие измерения и никакие описания каждой черты в отдельности и в их связи не дают возможности сформулировать их своеобразие в едином понятии" [6:72]. Очевидно, что внутреннюю форму нельзя наблюдать эмпирически, но этот факт представляет собой лишь свидетельство ее всепроникающей силы. Внутренняя форма есть некая живая реальность, проявления которой мы находим в бесчисленном множестве внешних форм. При этом важно понимать, что для Гумбольдта внутренняя форма представляет собой не просто некое внутреннее порождающее начало языка, сквозной, формообразующий принцип, но особую позицию в видении мира [6:80], открывающую исследователю "путь к постижению тайн языка, к выяснению его сущности" [6:72].

В отечественном языкознании проблемой внутренней формы занимался прежде всего А. А. Потебня. Сохраняя существенную связь с идеями Гумбольдта, Потебня, в то же время, исповедует уже иной, психологизированный подход к явлениям языка. Если для Гумбольдта важны абстрактные обобщения, то Потебню больше интересует конкретика, привязанность внутренней формы к сугубо лингвистическим фактам, что, в свою очередь, приводит к сужению объема данного понятия, благодаря чему оно становится более четким и "может послужить исходной точкой для дальнейших обобщений на несловесные явления" [10:52]. Делая предметом своего рассмотрения не язык, а отдельное слово, Потебня видит во внутренней форме прежде всего предшествующее этимологическое значение, которое служит опорой для актуального значения, или смысла [9:97–98]. К примеру, значение слова "око" явилось той основой, на которой возникло актуальное значение, или смысл слова "окно". "В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего" [9:98]. Внутренняя форма предстает как некий универсальный языковый механизм, постоянно приходящий в движение в том случае, когда нужно представить, понять и закре-

пить в індивідуальному означенні нове явлення, а іменно виразити словом нове смисло-вове содержание вещей. Сущностью внутренней формы в данном случае выступает связь смысла со звуком, где внутренняя форма предстает как "некий "средний член", который, с одной стороны, неразрывно сплетен с данностью слова, а с другой, стимулирует и направляет образование его смысла [2:55]. Наряду с этим определением внутренней формы, Потебня дает и другое, согласно которому внутренняя форма есть "центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными" [9:130]. Призванная собирать разрозненные представления в нечто целое, служить средством со-единения образа, внутренняя форма несет еще и знание этого единства и потому представляет собой не просто "образ предмета, а образ образа, т. е. представление" [9:131]. Не трудно заметить, что перекликаясь в этом месте с идеями Гумбольдта, мысль Потебни о внутренней форме как образе образов, в конечном счете, может быть сведена к платоновской идее идей.

В дальнейшем разработкой понятия "внутренняя форма" занимался Густав Шпет. Осуществляя перевод понятия с чуждого для себя языка лингвистики на язык философии, Шпет стремится предать ему законный философский статус, для чего считает необходимым проследить траекторию движения данного понятия в истории философской мысли. Здесь внутренняя форма трактуется то как "прообраз", "норма" или "правило" (Платон), то, приобретая сугубо эстетическую направленность, видится неким идеальным образом, воплощающимся во многих материальных явлениях (Плотин), далее предстает как вечный и истинно сущий формальный принцип (Бруно) и, наконец, соотносится с высшей формой, тождественной верховной красоте (Шефтсбери) [12:54–56]. Сам Шпет, категорически не приемля психологической позиции в отношении внутренней формы, отказывается видеть в ней образ образа (на котором так настаивал Потебня) и выдвигает альтернативную точку зрения, согласно которой внутренняя форма предстает как словесно-логическая, или, иначе, форма форм, понимаемая прежде всего как "закон становления самого, полного жизни и смысла, слово-понятия" [12:50]. Логический элемент, привнесённый Шпетом в понятие внутренней формы, делает его более абстрактным, более независимым от собственного содержания. Шпет не просто фиксирует наличие внутренней формы в пространстве мысли, но, аккумулируя опыт своих предшественников (в особенности Гумбольдта), дает философское обоснование этого понятия, указывает не только на законность, но и на необходимость его роли в процессе познания. Располагаясь на границе языковой эмпирической формы слова и "принципиально идеального смысла", внутренние формы "терминируют" изложение этого смысла, иными словами, логически конструируют познание, благодаря чему предстают как "формы конструирующие или конструктивные, созидающие и дающие" [13:399-400]. Таким образом, они есть не просто формы смысла, но смысла "выражаемого и сообщаемого". В другом месте Шпет уточняет: внутренние формы "суть формы не самого бытия объекта, а формы сообщаемого об этом бытии" [12:89]. Кроме того, философ настаивает на творческом, активном характере внутренней формы, отмечая, что это "не схема и не формула, а прием, способ, метод формообразования слов-понятий" [12:117].

В настоящий момент в исследованиях внутренней формы наметились две существенно отличные друг от друга тенденции [8:172]. В первом случае стремятся произвести ее лингво-теоретическую проработку и утвердить в статусе рабочего понятия лингвистики (Г. Рамишвили, Ю. Степанов и др.), во втором — рассмотреть в широком историко-философском контексте (Г. Шпет, П. Флоренский, В. Биbihин и др.).

Так, в современной лингвистике выделяют, по крайней мере, два значения этого понятия, соотнося его как с языком в целом, так и с отдельным словом. В первом случае внутренняя форма означает глубинный принцип языковой организации, установленность корреляций между глубинными и поверхностными структурами, которые выводятся из этих глубинных структур, во втором — структурно-семантические связи между определенным словом и его первичной оболочкой и значением [14:50]. Ю. Степанов, используя внутреннюю форму как элемент системы концептуального описания, видит в ней прежде всего некую основу, на которой возникли и держатся все имеющиеся в наличии слои значений [10:48]. Здесь его взгляды вплотную соприкасаются с идеями А. Потебни.

В философии сложилась совершенно иная ситуация. Прежде всего наблюдается стремление утвердить внутреннюю форму в качестве законной категории философско-гуманитарного позна-

ния наряду с другими базовыми категориями философии, такими как: форма, сущность, структура и др. Делается попытка прояснения гносеологической природы и онтологического статуса этой категории. Большое внимание уделяется анализу возможностей внутренней формы в ее гносеологических и методологических функциях различных сферах философско-гуманитарного познания, особенно, в области философского анализа произведений искусства (П. Флоренский, Э. Панофский и др.) и в социологии познания. Внутренняя форма выступает важным инструментом при решении сложных проблем философии языка. Так, В. Библихин считает внутреннюю форму "основным путем преодоления произвольности знака и приведения его в связь со смыслом" [2:52].

Одним из проблемных моментов при философском осмыслении понятия "внутренняя форма" является ее близость к таким философским категориям как "форма" и "структура". Однако при более детальном рассмотрении ясно вырисовывается принципиальная нетождественность внутренней формы этим категориям, более того, смысл внутренней формы выходит далеко за границы, очерченные как формой, так и структурой.

Под формой обычно понимают предельно общую философскую категорию, имеющую отношение к существованию всякой вещи в любой области действительности и на любом уровне существования. Категория формы соотносится с категорией содержания и, в большинстве случаев, определяется как внутренняя организация содержания или структура содержания [11:267].

Категория структуры также является приложимой к любой сфере действительности (к физическим объектам, живым системам, языку, произведениям искусства и т. д.), но выступает в соотнесенности не с категорией "содержание", а с понятием "элемент". Возможность сведения внутренней формы к структуре задана, судя по всему, еще самим Гумбольдтом, когда он в одном из своих ранних произведений сопоставляет ощущения внутренней формы со знаниями органической структуры [5:296]. Но при всей важности категории структуры, мы вправе отметить, что эта категория, являясь способом сочетания и взаимосвязи элементов целого [11:282], не может быть поставлена в один ряд с категорией внутренней формы.

И категория формы, и категория структуры — безличностны, поэтому для них наличие или отсутствие когнитивного субъекта не имеет принципиального значения. Внутренняя форма, в отличие от этих категорий, несет указание на субъективный, внутренний, ментальный план, делает акцент на активности субъекта, указывает на работу сознания и мысли. Для нее важно не только "что" я вижу, но и "как" я вижу. А здесь уже огромное значение приобретает личностное начало, позиция наблюдателя, поскольку каждый человек может одно и то же явление увидеть по-разному.

В данной связи можно вспомнить один примечательный эксперимент, проделанный знаменитым русским адвокатом Кони. Перед началом шекспировской пьесы "Отелло" он раздал зрителям карточки с просьбой воспроизвести в них содержание действия, связанного с убийством Дездемоны. Результат был поразительный. Не совпадали не только мелкие детали, но и такие сущностно-важные, как орудие убийства, количество персонажей, принимающих участие в сцене, мотивы убийства и т. д. и т. п. Даже вопрос о роли Отелло в этом убийстве вызывал серьезные расхождения. Получалось так, что каждый видел свою собственную пьесу.

Благодаря этому наглядному примеру мы видим, что когнитивный субъект, субъект познания, имея свой собственный способ представления вещей, задает особую, личностную систему координат в своих взаимоотношениях с миром. (Отсюда и разница во мнениях в случае с экспериментом Кони). Внутренняя форма при этом выступает как особая позиция в "видении мира", средство, способное вывести "человека познающего" в принципиально иные сферы бытия.

В таком качестве внутренняя форма представлена у Людвиг Витгенштейна, хотя сам термин "внутренняя форма" у него отсутствует. Витгенштейн пользуется понятием "форма изображения". Так, зафиксировав наличие двух взаимосвязанных между собой сфер — картины мира и действительности, — Витгенштейн оказывается перед вопросом о соотношении действительности и предметов этой действительности с одной стороны, и картиной и ее предметами с другой. Понимая под картиной прежде всего модель действительности, он устанавливает между ними отношение изоморфизма, при котором каждому элементу в картине соответствует некий предмет в действительности [3:8]. Таким образом, Витгенштейн указывает на момент внутренней

существенной связи, имеющей место между картиной мира и действительностью, наличие которой делает картину картиной именно этой действительности.

То общее, что есть у действительности и картины мира Витгенштейн называет "формой изображения". "То, что в картине должно быть общим с действительностью, дабы она могла по своему — верно или неверно — изобразить ее, есть присущая ей форма изображения" [3:9]. Она обеспечивает возможность существования структуры картины как связи присущих ей элементов [3:8]. "Изобразительное родство", которое существует между картиной и действительностью, состоит в соотношении вещей и элементов картины. "Эти соотношения, — говорит Витгенштейн, — как бы усики элементов картины, с помощью которых она соприкасается с действительностью" [3:9]. Здесь философ обозначил существование некоей перспективы, в рамках которой представлены изображения на картине.

Понятие перспективы наиболее близко примыкает к понятию внутренней формы и является его адекватным аналогом в случае анализа живописных произведений. Перспектива не существует сама по себе, без картины она ничто, фикция. Наличие перспективы обусловлено наличием наблюдателя, когнитивного субъекта, занимающего особую, свойственную только ему, позицию в реальности и налагающего ее, перспективу, подобно мерилу, на действительность [3:9]. При этом, замечает Витгенштейн, перспективу невозможно изобразить. Изображаются лишь предметы, а перспективу картина показывает [3:9] посредством изображения элементов действительности.

Обратимся к анализу некоторых русских слов с тем, чтобы, проникая в специфику мировосприятия русского народа, продемонстрировать эвристические возможности категории "внутренняя форма".

За исходную точку нашего рассмотрения возьмем слово человек. Этимология этого слова замутнена. Для нас, говорящих и слушающих, это лишь знак, прикрепленный к некоему объекту. Но взгляды внимательнее. Человек. Первая часть этого слова сближается со словом челядь, а далее — с древнеиндийским *kūlam*, что значит "стадо, множество, семья, род". Во второй части М. Фасмер усматривает слово, родственное латышскому *vaik* "слуга" [15,4:328]. Таким образом, получаем человека как слугу множества (семьи, рода, стада). Это не индивид (не-делимый), который хранит свою самость. Здесь главное — множество, а человек прилагается к нему в качестве простого слуги. Человек — это когда "один за всех — все за одного". Ему "на миру и смерть красна". Вне этого множества он ничто, песчинка, сорняк, да его, собственно говоря и нет. По этому поводу Г. Гачев замечает: "субъект русского мира не "Я", а собор, множество, артель, братство" [4:276]. Народное сознание, как видим, строго фиксирует и закрепляет в фольклоре (в виде пословиц, поговорок и различных присказок) неслучайность подобного положения человека в универсуме русской жизни. Затемненный внешним противозначным значением внутренний смысл посредством внутренней формы заявляет о себе во весь голос. При этом внутренняя форма выступает не только как хранитель истинного, глубинного смысла слова, но еще и как своего рода истолкователь, выводящий этот внутренний, скрытый смысл наружу. Благодаря этому происходит сведение всего того, что относится к словесному толкованию, со всем тем, что имеет отношение к мысленному пониманию [1:25]. Следовательно, имеет место сведение значения слова с его смыслом. Результат этого — открытие совершенно новых горизонтов видения, понимания и познания.

Еще одну интересную особенность русского мирозерцания можно обнаружить, обратившись к анализу слова "соловей". Праславянское **solviŭ* производно от слова **solvъ*, что значит "желтовато-серый" [15,3:711]. Мысль о соловье, отразившись в сознании русского народа, обрела форму одного из своих наиболее существенных признаков: соловей в русской картине мира есть всего лишь птичка желтовато-серого цвета. Звук, на который наверняка обратил бы внимание настроенный на другую волну слух итальянца, остается как бы непроявленным, не услышанным, чужим. Разнообразные явления заявляют о себе своим видом. Эту особенность русского мирозерцания, так ясно заявляющую о себе при помощи внутренней формы, отмечали и прежде [4:127–128]. Но все это оставалось лишь плодом догадок или внезапных откровений.

Пытаясь проследить этимологию слов, составляющих современную систему названий месяцев, сталкиваешься с тем, что эти слова, не исконно русские, а заимствование из латыни. В укра-

инском языке, например, ситуация принципиально иная. Здесь жовтень — время, когда желтеет листва на деревьях, а листопад — пора исхода осени, когда на деревьях остаются лишь голые, безлистые ветки. Для современного русского все это словно не имеет никакого значения. Их время, растекаемое и тягучее, не обладает собственным строем и организацией. Попытка загнать его в заранее заданную систему первоначально отторгается. Структурирование и ограничение времени приходит извне. Ту же ситуацию можно проследить и на уровне фонетики "Долгота и краткость гласных в западноевропейских языках имеет смыслообразующее значение, в отличие от русской аморфной длины звука: длительность не смысловая, время в этом космосе не имеет значения" [4:371]. Внутренняя форма даже через свое отсутствие, свое исключение заявляет о своих правах, сводя воедино непроявленные оттенки смыслов и значений.

Подводя итоги, мы вправе констатировать, что основным результатом данной статьи можно считать проанализированную историю и основные этапы развития понятия "внутренняя форма". Установление ее связи и специфики по отношению к категориям "внешняя форма", "структура" и "система" перспективного изображения. В статье показаны возможности использования внутренней формы в ее гносеологических и методологических функциях, возможность ее применения к истории познания, анализу произведений искусства, продемонстрированы эвристические возможности внутренней формы при описании этнической картины мира. Кроме того, намечены пути использования понятия в различных областях философско-гуманитарного познания этносоциологии, теории искусства, эстетики, логики и гносеологии.

1. Айрапетян В. Русские толкования. — М., 2000.
2. Бибихин В. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях // Языковая практика и теория языка. — М., 1978.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. — М., 1994.
4. Гачев Г. Национальные образы мира. — М., 1988.
5. Гумбольдт В. О задаче истории // Язык и философия культуры. — М., 1985.
6. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Избранные труды по языкознанию. — М., 1984.
7. Гумбольдт В. Эстетические опыты. О "Германе и Доротее" Гете // Язык и философия культуры. — М., 1985.
8. Постовалова В. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. — М., 1982.
9. Потебня А. Мысль и язык // Слово и миф. — М., 1989.
10. Степанов Ю. Концепт // Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 2001.
11. Шентулин А. Система категорий диалектики. — М., 1967.
12. Шпет Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта. — М., 1927.
13. Шпет Г. Эстетические фрагменты / Сочинения. — М., 1989.
14. Штерн И. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. Енцикл. словник. — К., 1998.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. — М., 1987.

А. В. Рабокоровка

МЕТОДОЛОГІЧНІ МОЖЛИВОСТІ КАТЕГОРІЇ "ВНУТРІШНЯ ФОРМА" У ВИВЧЕННІ НАЦІОНАЛЬНОГО ОБРАЗУ СВІТУ

У статті розглянуто історію виділення і впровадження у методологію різних наукових досліджень, у тому числі лінгвістичних, категорії "внутрішня форма". Наведено приклади використання цієї категорії для вивчення мовної картини світу росіян.

Ключові слова: загальне мовознавство, філософія мови, Гумбольдт, Потебня, категорія внутрішньої форми, мовна картина світу росіян.

A. V. Rabokorovka

METHODOLOGICAL POSSIBILITIES OF THE CATEGORY "INTERNAL FORM" IN DESCRIPTION OF NATIONAL IMAGE OF THE WORLD

The history of introduction of the category "internal form" into methodology of various scientific researches, including linguistic research, is analysed in the article. Examples have been given of using this category to learn the linguistic picture of the world of Russians.

Keywords: general linguistics, language philosophy, Humboldt, Potebnya, category of internal form, linguistic picture of the world of Russians.